

Litera

Правильная ссылка на статью:

Галинская Е.А. Относительная хронология в истории языка // Litera. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72257 EDN: RTIXRU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72257

Относительная хронология в истории языка

Галинская Елена Аркадьевна

доктор филологических наук

профессор; филологический факультет; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, 962

✉ eagalinsk@mail.ru

[Статья из рубрики "Фонетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.11.72257

EDN:

RTIXRU

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2024

Аннотация: Предметом исследования являются способы установления хронологии протекания языковых процессов. Объект исследования – праславянские и восточнославянские процессы, для которых определяется не абсолютная, а относительная хронология. Констатируется, что для праславянского языка относительная хронология – практически единственный способ выявления истории фонетических изменений, и рассматривается соположение качественной дифференциации долгих и кратких гласных и монофтонгизации дифтонгов. Особое внимание уделяется фонетическим процессам, которые относятся уже к ранней письменной эпохе, но для которых по причине неотражения сопоставляемых явлений или позднего отражения одного из них в памятниках древнерусской письменности может быть установлена только относительная хронология. Немаловажным объектом исследования становится хронологизация относительно друг друга некоторых фонетических и морфологических процессов периода обособленного существования восточнославянских языков. Метод, применяющийся при определении относительной хронологии, состоит в сопоставлении результатов осуществления отдельных языковых процессов. Основные выводы исследования таковы: 1) дифференциация долгих и

кратких гласных предшествовала монофтонгизации дифтонгов; 2) закрытое [ô] великорусского и южноукраинского типов возникло до прояснения редуцированных; 3) изменение [ч'] > [ш'] в западных южнорусских говорах происходило после отвердения исконного [ш']; 4) отвердение согласных перед [e], [i] в украинском языке осуществлялось через какое-то время после вторичного смягчения согласных, изначально имевшего место во всех древневосточнославянских диалектах; 5) изменение [ky], [gy], [xy] в [k'i], [g'i], [x'i] произошло после изменения [y] редуцированного в большей части великорусских говоров в гласный [o]; 6) возникновение аканья в различных русских говорах по-разному хронологически соотносится с переходом [e] в [o]. 7) совпадение И.п. с В.п. мн.ч. у существительных, обозначающих лиц мужского пола, осуществилось до развития у них категории одушевленности. Новизна исследования состоит в выявлении конкретных случаев, к которым должен быть применен методологический подход, являющийся предметом статьи. Автор приходит к заключению о том, что относительная хронология оказывается необходимым методом не только при реконструкции праславянской фонетической системы в ее динамике, но и при определении порядка протекания некоторых языковых процессов в письменный период истории восточнославянских языков.

Ключевые слова:

относительная хронология, праславянский язык, девнерусский язык, историческая фонетика, историческая морфология, русские диалекты, аканье, редуцированные гласные, отвердение согласных, винительный падеж

Одной из важных задач славянского сравнительно-исторического языкознания является установление хронологии протекания фонетических процессов, которые шли на протяжении всего обозримого периода исторического развития славянских диалектов начиная с праславянской эпохи. В ряде случаев может быть установлена абсолютная хронология (как правило, применительно к тому времени, когда уже существовали памятники письменности), в ряде же случаев – только относительная, когда тем или иным способом сопоставляются результаты и условия осуществления сравниваемых процессов для дописменных языков. Далее будет продемонстрировано несколько вариантов построения относительной хронологии на славянском материале.

Если обратиться к праславянскому периоду, то хрестоматийный пример определения относительной хронологии представляет собой решение вопроса о времени протекания I и II палатализаций заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда: вторая палатализация осуществлялась позже, чем первая, поскольку между I и II палатализациями лежит монофтонгизация дифтонгов, в результате которой из дифтонга *oĭ развились гласные переднего ряда [ě] и [i].

Практически вся поступательная история фонетических изменений в праславянском языке восстановлена с помощью относительной хронологии, но есть и вопросы, мнения по которым у исследователей не сходятся. Так, в исторической славистике нет единой точки зрения по поводу того, что произошло раньше — качественная дифференциация долгих и кратких гласных или монофтонгизация дифтонгов. В то время как большинство ученых полагают, что качественная дифференциация предшествовала монофтонгизации дифтонгов, некоторые исследователи располагают монофтонгизацию дифтонгов на хронологической оси до формирования новых тембровых различий исконных монофтонгов. Об этом пишет, в частности, В. К. Журавлев [\[7, с. 8-12\]](#), есть указания на

реконструкцию подобной относительной хронологии у Г. Ланта [18, с. 19, 28], а Ф. Кортландт даже полагает, что между монофтонгизацией дифтонгов и появлением новых тембровых различий у гласных лежит целый ряд процессов [17, с. 266–269]. Однако можно привести соображение, ставящее под сомнение подобную относительную хронологию: ведь в таком случае гласный [u] из *ou совпал бы с *u̯, а в славянских языках рефлексy *u̯ и *ou различаются, и это значит, что сначала *u̯ изменился в [y], а потом *ou перешел в [u], то есть качественная дифференциация долгих и кратких гласных все же, по-видимому, предшествовала монофтонгизации дифтонгов.

Есть фонетические явления, которые относятся уже к письменной эпохе, но по причине неотражения сопоставляемых явлений или позднего отражения одного из них в памятниках древнерусской письменности их хронология относительно друг друга может быть установлена только путем сопоставления результатов осуществления фонетических процессов.

Так, в древнерусской фонетической системе, а именно в ее будущей великорусской части, в какой-то момент возник закрытый гласный [ô], развившийся из открытого [o] исконного под автономным ударением [11, с. 173]. В древнерусской деловой и бытовой письменности не было традиции обозначать разными буквенными знаками исконное [o] и вновь образовавшееся [ô]. Первый памятник, где отражается распределение [o] и [ô] великорусского типа, относится к церковнославянской языковой сфере, и это рукопись «Мерило Праведное» XIV в., исследованная А. А. Зализняком [10] (до нас дошло и большое количество более поздних текстов, где это распределение отражено), но вполне возможно, что [ô] появилось значительно раньше XIV в. Есть возможность определить, как соотносится по времени возникновение [ô] великорусского типа и прояснение сильных редуцированных. В той позиции, где возник [ô], то есть под автономным ударением, мог находиться также и сильный [ъ], например, *бѣдрыи, лѣжка, плѣзати*. В тех памятниках письменности, которые отражают противопоставление <ô> и <o> великорусского типа, а также в русских диалектах, где такое противопоставление до сих пор сохраняется, любой звук [o], восходящий к сильному [ъ], и, что важно, — в том числе к тому [ъ], который стоял под автономным ударением, преимущественно отражается как <o>. Следовательно, [ô] появилось до прояснения сильных редуцированных, ведь в ином случае, то есть если бы [ъ] в сильной позиции совпал с гласным [o] до того, как образовался [ô], рефлексy сильного [ъ] оказались бы в русских диалектах, различающих два типа o, разными в зависимости от того, находился ли он под автономным ударением или нет.

Кроме [ô] великорусского типа, в древнерусском языке образовывалось и [ô] южноукраинского типа: оно возникало в новозакрытых или, по другой терминологии, перестроенных слогах, а именно в таких слогах, после гласного которых в раннедревнерусском языке находился слог с редуцированным в слабой позиции, впоследствии утратившимся [11, с. 173]. Можно констатировать, что звук [ô] южноукраинского типа, так же, как возникший в совершенно других условиях звук [ô] великорусского типа, появился до прояснения сильных редуцированных, поскольку [o], восходящее к [ъ], в новозакрытом / перестроенном слоге в нормальных случаях не дает в украинском языке рефлексy закрытого [ô]. См. обо всем этом подробнее [4].

Для более позднего периода, в частности применительно ко времени обособленного существования восточнославянских языков, некоторые фонетические явления также хронологизируются относительно друг друга путем сопоставления результатов

соответствующих изменений. Так, в истории русского языка произошло отверждение шипящих согласных [ш] и [ж], и при этом в западных южнорусских говорах осуществилась утрата затвора аффрикатой [ч'] (т.е. [ч'] > [ш'], например, *дóч'ка* > *дóш'ка*). Несомненно, что изменение [ч'] > [ш'] происходило после отверждения того [ш'], которое издревле воплощало фонему <ш>, поскольку об этом свидетельствует сохранение в тех южнорусских говорах, о которых здесь идет речь, различия между фонемой <ш> и фонемой <ш'>, выступающей на месте прежней фонемы <ч> (см. об этом [\[12, с. 302\]](#)).

Важный факт из истории украинского языка устанавливается путем сопоставления между собой некоторых явлений современной украинской фонетики. Перед исконными [e] и [i] ныне в украинском языке представлены твердые согласные, напр.: *бити* [bíti] 'бить', *звертати* [zvertáti] 'поворачивать'. Если рассматривать украинский язык в контексте всего славянского языкового мира, то есть учитывать языки, в которых исконно твердые согласные перед гласными переднего ряда остались твердыми (сербохорватский и словенский), то встает вопрос о природе описанного явления: осуществилось ли вторичное смягчение согласных в древневосточнославянских говорах, которые в дальнейшем легли в основу украинского языка, последовательно, а лишь потом произошло отверждение согласных перед [e] и [i], или же перед этими гласными вторичное смягчение не проходило вовсе. Оказывается, что есть неоспоримый аргумент в пользу первого решения проблемы. Дело в том, что в формах 2 лица множественного числа повелительного наклонения типа *робіть*, *беріть* конечный согласный — палатализованный. Исторически же в повелительном наклонении была флексия -те, то есть до того, как утратился звук [e], согласный перед ним успел пережить вторичное смягчение, иначе бы мягкость в абсолютном конце слова не сохранилась. Таким образом, отверждение согласных перед [e] и [i] — не древний процесс, так как он прошел через какое-то время после вторичного смягчения согласных, которое произошло изначально во всех древневосточнославянских говорах.

Данные современного русского языка и его диалектов позволяют определить относительную хронологию изменения [ky], [gy], [xu] в [k'í], [g'í], [x'í] и прояснения напряженных редуцированных. Оно произошло после того, как [y] редуцированное в положении перед [j] изменилось в большей части великорусских говоров в [o], ведь в этих говорах (и в том числе в литературном языке) имеются формы именительного падежа единственного числа мужского рода слов адъективного склонения типа *сухóй*, *такóй*, *другóй*, а если бы фонетические изменения протекали не в указанной последовательности, были бы формы *сухéй*, *такéй*, *другéй* [\[11\]](#).

В исторической русистике значительное внимание уделяется проблеме происхождения аканья, которое сейчас распространено в южновеликорусских говорах и части среднерусских говоров, а также в белорусском языке. Существует ряд гипотез о том, как могло возникнуть аканье. Так, В. И. Лыткин считал, что аканье имеет субстратное происхождение и возникло под воздействием прамордовского или древнемокшанского языков [\[13 с. 44–52\]](#), однако необходимого количества конкретного материала В. И. Лыткин не приводит. Болгарский ученый В. Георгиев предполагал, что аканье — это явление, восходящее к глубокой праславянской древности, но в дальнейшем оно сохранилось лишь в отдельных славянских диалектах. По мнению В. Георгиева, которое кардинально расходится с общепринятой в палеославистике точкой зрения, индоевропейские *ǵ и *ǵ совпали не в [o], а в [a], но затем это [a] изменилось в [o], причем в окающих говорах в любых условиях, а в акающих — только в ударном слоге [\[5, с. 20–29\]](#). Эта гипотеза не имеет, по-видимому, под собой серьезных оснований, в

частности, потому, что из нее никак не выводится неразличение гласных неверхнего подъема после мягких согласных, также относящееся к аканью в широком смысле этого слова.

Более обоснованной представляется редукционная теория происхождения аканья, разработанная А. А. Шахматовым [\[16, с. 331–343\]](#), которая объясняет возникновение аканья и после твердых, и после мягких согласных, а также учитывает диссимильативные модели аканья и яканья. Исходным пунктом редукционной теории является тезис о сокращении праславянских долгот у гласных сначала в безударных слогах, в результате чего появляются редуцированные звуки, а потом и в ударных слогах, что приводит к компенсаторному удлинению редуцированных гласных первого предударного слога перед ударными гласными верхнего и средне-верхнего подъема. Недостатком этой теории является то, что А. А. Шахматов исходит из праславянского противопоставления долгих и кратких гласных, тогда как аканье могло развиваться только после падения редуцированных — процесса древнерусской эпохи. Эту относительную хронологию неоспоримо доказал Р. И. Аванесов [\[1, с. 138–139\]](#), аргументы которого состоят в следующем.

1. Развитие аканья привело к появлению редуцированных гласных, так что, если бы исконные редуцированные [ъ] и [ь] в языковой системе еще присутствовали, новые редуцированные совпали бы с ними и разделили их дальнейшую судьбу, а этого не произошло.

2. Во всех типах диссимильативного аканья и яканья в 1-м предударном слоге одинаково реализуются гласные неверхнего подъема, находившиеся в 1-м предударном слоге исконно, и гласные, которые попали в 1-й предударный слог лишь в результате утраты редуцированных в слабых позициях, а до этого стоявшие во 2-м предударном слоге.

Однако эпоха после падения редуцированных, в которую развилось аканье, — понятие широкое. В северных русских говорах утрата неконечных слабых редуцированных началась со второй четверти XII в. [\[8, с. 58\]](#), а конечные слабые редуцированные исчезли еще раньше [\[9, с. 264\]](#). Первые же, абсолютно единичные, примеры отражения аканья датируются лишь второй половиной XIV в. Поэтому есть смысл более пристально посмотреть на относительную хронологию появления аканья и протекания еще одного фонетического процесса из истории русского языка — изменения [е] в [о] после твердых согласных перед мягкими, отражение которого в памятниках древнерусской письменности встречается начиная со второй половины XII в. Установлению этой относительной хронологии помогает обращение к данным современной русской лингвистической географии, а именно к распространению в южнорусских говорах некоторых моделей диссимильативного, ассимильативно-диссимильативного и умеренно-диссимильативного яканья. Речь идет о диссимильативном яканье щигровского, суджанского и мосальского типов, об ассимильативно-диссимильативном яканье всех типов (новоселковского, кидусовского, ореховского и култуковского) и об умеренно-диссимильативном яканье новоселковского и кидусовского типов.

Эти модели вокализма характеризуются тем, что в них перед ударными гласными среднего подъема неразличающиеся гласные неверхнего подъема имеют в 1-м предударном слоге разные реализации – [’а] и [и], например, [д’ир’эвн’ъ] — [л’асóк] Остальные типы диссимильативного яканья (архаический, жиздринский, донской, дмитровский) характеризуются одинаковой реализацией гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед ударными гласными среднего подъема [\[6, карта 8\]](#), так что

для дальнейших рассуждений они материала не дают.

Интересующие нас модели вокализма можно разделить на две группы в зависимости от того, как реагируют гласные первого предударного слога на ударный [’о] (из *е, *ь) – так же, как на [е], не перешедший в [’о], или так же, как на [о], находящийся после твердых согласных.

К *первой группе* моделей относятся щигровский и суджанский типы диссимильного яканья, новоселковский и кидусовский типы ассимильно-диссимильного яканья, а также умеренно-диссимильное яканье новоселковского и кидусовского типов. Здесь [и] произносится как перед [е], не перешедшим в [’о] (напр., [д’иp’эвн’ъ]), так и перед [’о] из *е, *ь (например, [в’ис’о́льъ]), тогда как перед [о] открытым, стоящим после твердого согласного (в первом слоге слова исконно это может быть только бывший сильный [ъ]), в 1-м предударном слоге звучит [’а] (например, [л’асо́к]).

Ко *второй группе* моделей принадлежат ореховский и култуковский типы ассимильно-диссимильного яканья и мосальский тип диссимильного яканья. Тут реакция гласного первого предударного слога на [е], не перешедшее в [’о], и на [’о] из *е, *ь разная: с одной стороны, произносится [д’иp’эвн’ъ], а с другой стороны, [в’ас’о́льъ] — так же, как [л’асо́к].

Сопоставление реакции гласного 1-го предударного слога на ударный [’о] из *е, *ь со всей очевидностью демонстрирует следующую относительную хронологию: в говорах *первого типа* яканье развилось до того, как осуществился переход [е] в [’о], а в говорах *второго типа* – после, то есть тогда, когда [о], стоявшее после твердых согласных, и [’о] из *е, *ь, находившееся после мягких согласных, еще представляли собой одну единицу.

Модели, отнесенные к *первой группе* (с разной реакцией гласного первого предударного слога на [’о] и [о]), занимают обширную территорию центральной части южнорусского наречия, на востоке есть лишь отдельные «островки» с такими типами вокализма. В то же время култуковский и ореховский типы ассимильно-диссимильного яканья, относящиеся ко *второй группе* моделей, локализуются на крайней восточной периферии южнорусского наречия — в восточной и частично центральной части Рязанской группы [6, карта 8]. Мосальский тип диссимильного яканья, равным образом входящий во *вторую группу* моделей, имеет чрезвычайно малое распространение и представлен несколькими точечными «островками» в юго-западной диалектной зоне, сосуществуя в основном с жиздринским диссимильным яканьем.

Итак, можно сделать следующие обобщения. Подавляющий массив говоров **центральной** части южнорусского наречия характеризуется моделями вокализма *первой группы*, где гласный 1-го предударного слога по-разному реагирует на [’о] и [о] ударного слога. На **востоке** распространены модели из *второй группы*, где в 1-м предударном слоге перед [’о] произносится тот же самый гласный, что и перед ударным [о]. И, наконец, на **западе**, в зоне распространения жиздринского диссимильного яканья (непоказательного для наших рассуждений, поскольку тут перед всеми гласными среднего подъема в первом предударном слоге на месте неразличающихся гласных неверхнего подъема звучит [’а]), также, хотя и единичными маленькими разрозненными «островками», представлен мосальский тип диссимильного яканья из *второй группы*.

Это позволяет сделать вывод об относительной хронологии возникновения аканья-яканья и перехода [е] в [’о] после твердых согласных перед мягкими: развившись после падения редуцированных, оно заняло центральную часть южнорусского наречия до

перехода [e] в [’o] и лишь позднее распространилось на восток — после того как осуществился указанный переход. Видимо, и на запад аканье-яканье также пришло позднее, когда [e] после твердых согласных перед мягкими уже изменился в [’o].

Выше шла речь лишь об исторической фонетике, для которой применение метода относительной хронологии является неперенным условием установления времени осуществления целого ряда процессов, протекавших как в дописьменный, так и в письменный период. Но имеются и морфологические явления, существовавшие в эпоху, когда письменные памятники уже были, но тем не менее требующие от исследователей обращения к методу относительной хронологии.

В истории русского языка кардинальные изменения произошли с винительным падежом. Эти изменения привели к тому, что он очень слабо отличается от других падежей и имеет сейчас собственные формы только у существительных I склонения в единственном числе. У всех остальных существительных он совпадает либо с И.п., либо с Р.п., так что его можно отнести к классу «слабо дифференцированных» падежей [\[14, с. 174\]](#).

Предпосылки к этому были заложены уже в праславянском языке: совпадение по фонетическим причинам И. и В. пп. у слов мужского рода *o[̃]-, *u[̃]- и *i[̃]-склонений в единственном числе (напр., *столь*, *сынъ*, *гость*); действие «правила среднего рода», предусматривавшее совпадение В.п. с И.п. во множественном числе (напр., *села*); совпадение И.-В. пп. у слов женского рода во множественном числе (напр., *горы*), а у слов *i[̃]-склонения женского рода и в единственном числе (напр., *кость*). Следующим шагом было произошедшее, видимо, в дописьменную эпоху, совпадение И.п. с В.п. у существительных консонантного склонения: *камы* > *камень* (м.р. ед.ч.); *матере*, *свекрове*, *бръве* > *матери*, *свекрови*, *бръви* (ж.р. мн.ч.). Таким образом, в древнерусском языке различие формы И. и В. пп., не считая единственного числа *a⁻ склонения, осталось только у слов мужского рода во множественном числе. Ср.:

И.п.	<i>стол-и</i>	<i>меч-и</i>	<i>гвозд-ие</i>	<i>лед-ове</i>	<i>дън-е</i>
В.п.	<i>стол-ы</i>	<i>меч-ѣ</i>	<i>гвозд-и</i>	<i>лед-ы</i>	<i>дън-и</i>

Впрочем, и тут в результате унификации по твердому варианту склонения формы типа *мечѣ* под влиянием форм типа *стола* *стола* получили окончание *-и* и совпали с формами И.п.

Следующий шаг к превращению В.п. в «слабо дифференцированный» произошел уже в письменный период: у данной группы существительных формы именительного падежа заместились формами винительного. Ср. совр. И.п. *стола*, *гвозди*, *лѣды*, *дни*. Возникает вопрос о том, как соотносится по времени описанный процесс с развитием категории одушевленности у слов, обозначающих лиц мужского пола, во множественном числе. Дело в том, что такие существительные твердого варианта склонения в И.п. мн. ч. так же, как неодушевленные, заместили окончание *-и* окончанием *-ы* (например, *смърди* > *смърды*) [\[2\]](#). Очевидно, что относительная хронология здесь должна быть такой: совпадение И.п. с В.п. мн.ч. у существительных, обозначающих лиц мужского пола, произошло до развития у них категории одушевленности, иначе в И.п. мн.ч. они не получили бы флексию *-ы*. Косвенно это подтверждается памятниками письменности XIII в., в единичных случаях содержащими формы с окончанием *-ы* в И.п. мн.ч. (напр., *се при□хаша послы* Новг. гр. 1268 г.), и более поздними текстами XIV в. с формами Р.п. со значением В.п. (напр., *послали есмы своихъ пословъ* Перемирная гр. вел. кн. литовского Ольгерда Гедиминовича с вел. кн. Дмитрием Ивановичем 1371 г.). Но сами по себе примеры из письменных источников не могут быть вполне доказательными,

поскольку, как известно, памятникам письменности, в том числе деловой, была присуща грамматическая норма, которая во многих случаях отличалась консервативностью (см. об этом [\[15, с. 25\]](#), так что формы типа В.п. мн. ч. *пословъ* могли и не отразиться сразу, как только они стали появляться в языке. Поэтому опора на относительную хронологию здесь более надежна.

Итак, относительная хронология оказывается необходимым методом не только при реконструкции праславянской фонетической системы в ее динамике, но и при определении порядка протекания некоторых языковых процессов, в том числе морфологических, в письменный период истории восточнославянских языков.

[\[1\]](#) Вопреки указанию Р. И. Аванесова, который писал, что получились бы формы *такий*, *сухий*, *другий* и под [\[2, с. 255\]](#).

[\[2\]](#) Есть, однако, несколько слов, основа которых в единственном числе оканчивается на твердый согласный, а форма И.п. мн.ч. сохраняет древнюю флексию И.п. **и** в виде [и], и, следовательно, согласный перед ним мягкий. Это современные существительные *сосед* – *соседи* и *черт* – *черти*. Наличие окончания [и] у этих существительных привело к тому, что основа подпарадигмы множественного числа стала мягкой во всех падежных формах. Ср. совр. *сосед* – *соседа* – *соседу* и т.д., с одной стороны, и *соседи* – *соседей* – *соседям* и т.д. – с другой. См. об этом подробнее [\[3, с. 221–222\]](#).

Библиография

1. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 138–139.
2. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.
3. Галинская Е. А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М.: УРСС, 2016. 316 с.
4. Галинская Е. А. К истории звуков древнерусского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 4. С. 7–24.
5. Георгиев В. И. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 20–29.
6. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
7. Журавлев В. К. Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 8–19.
8. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
9. Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 годов. М.: Наука, 1993. С. 241–270.
10. Зализняк А. А. «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник // Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. I. М. Языки славянских культур, 2010. С. 531–708.
11. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 428 с.
12. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука – Школа ЯРК, 1999. – 526 с.
13. Лыткин В. И. Еще раз к вопросу о происхождении русского аканья // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 44–52.

14. Плунгян В. В. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2003. 384 с.
15. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Издательство Московского университета, 1990. – 296 с.
16. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1915. 367 с.
17. Kortlandt F. On the History of the Slavic Nasal Vowels // Indogermanische Forschungen. 1979 (84). P. 259–272.
18. Lunt H. G. The Progressive Palatalization of Common Slavic. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1981. 99 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена вопросам относительной хронологии фонетических изменений в истории славянских языков. Предмет исследования актуален: «одной из важных задач славянского сравнительно-исторического языкознания является установление хронологии протекания фонетических процессов, которые шли на протяжении всего обозримого периода исторического развития славянских диалектов начиная с праславянской эпохи». Отмечается, что «практически вся поступательная история фонетических изменений в праславянском языке восстановлена с помощью относительной хронологии, но есть и вопросы, мнения по которым у исследователей не сходятся».

Теоретической базой исследования послужили работы таких российских и зарубежных ученых, как А.А. Зализняк, Р.И. Аванесов, В.К. Журавлев, Е.А. Галинская, Л.Л. Касаткин, Г. Лант, Ф. Кортландт и др., посвященные исторической морфологии русского языка, истории звуков древнерусского языка, акцентологии русского языка. Библиография статьи составляет 11 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Следует отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью, задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; научно-теоретический анализ; историко-сравнительный метод, к которому обращаются при изучении исторического развития отдельного языка в целях выявления его внутренних и внешних закономерностей; описательный метод и такие его приемы, как наблюдение и обобщение отобранного материала. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что «относительная хронология оказывается необходимым методом не только при реконструкции праславянской фонетической системы в ее динамике, но и при определении порядка протекания некоторых языковых процессов, в том числе морфологических, в письменный период истории восточнославянских языков», что вполне соответствует логике проведенного исследования.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в решение проблем славянского сравнительно-исторического языкознания, хронологии протекания фонетических процессов, в сравнительном рассмотрении вариантов построения относительной хронологии на славянском материале, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной

проблематике и в вузовских курсах по языкознанию и теории языка, по истории русского языка, в курсах по общей и диахронической фонологии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы исследования. Рекомендуем автору(ам) расширить материал, в том числе за счет теоретического анализа актуальных работ по изучаемой проблематике.

По мнению рецензента, название статьи слишком широкое и требует конкретизации. Однако это на усмотрение автора(ов).

Под номером 9 указаны сразу три библиографических источника «9. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Издательство Московского университета, 1990. – 296 с. 10 Kortlandt F. On the History of the Slavic Nasal Vowels // Indogermanische Forschungen. 1979 (84). P. 259–272. 11. Lunt H.G. The Progressive Palatalization of Common Slavic. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1981. 99 p.», что требует корректировки.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме исторического развития языка. Последнее время подобных исследований не так много, следовательно, определенная актуальность и научная новизна наличны. Автор достаточно подробно останавливается на изменениях языковой системы в ходе т.н. исторической стабилизации. Методы исследования соотносятся с рядом актуальных наработок (см. библиографию), фактические ошибки отсутствуют, тема раскрывается объемно, точно, объективно. Считаю, что в работе в должной степени представлен и блок аргументации. Стиль сочинения собственно научный: например, «Если обратиться к праславянскому периоду, то хрестоматийный пример определения относительной хронологии представляет собой решение вопроса о времени протекания I и II палатализаций заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда: вторая палатализация осуществлялась позже, чем первая, поскольку между I и II палатализациями лежит монофтонгизация дифтонгов, в результате которой из дифтонга *oi развились гласные переднего ряда [ě] и [i]», или «Для более позднего периода, в частности применительно ко времени обособленного существования восточнославянских языков, некоторые фонетические явления также хронологизируются относительно друг друга путем сопоставления результатов соответствующих изменений. Так, в истории русского языка произошло отверждение шипящих согласных [ш] и [ж], и при этом в западных южнорусских говорах осуществилась утрата затвора аффрикатой [ч'] (т.е. [ч'] > [ш'], например, дѹч'ка > дѹш'ка)», или «Более обоснованной представляется редуccionная теория происхождения аканья, разработанная А. А. Шахматовым [16, с. 331–343], которая объясняет возникновение аканья и после твердых, и после мягких согласных, а также учитывает диссимилятивные модели аканья и яканья. Исходным пунктом редуccionной теории является тезис о сокращении праславянских долгот у гласных сначала в безударных слогах, в результате чего появляются редуccionированные звуки, а потом и в ударных слогах, что приводит к

компенсаторному удлинению редуцированных гласных первого предударного слога перед ударными гласными верхнего и средне-верхнего подъема» и т.д. Как видим цитации даются верно, серьезная правка излишня. Считаю, что основная цель исследования достигнута, блок задач решен. Автор приходит к выводу, что «относительная хронология оказывается необходимым методом не только при реконструкции праславянской фонетической системы в ее динамике, но и при определении порядка протекания некоторых языковых процессов, в том числе морфологических, в письменный период истории восточнославянских языков». Циклический формат разверстки вопроса оправдан, ибо «одной из важных задач славянского сравнительно-исторического языкознания является установление хронологии протекания фонетических процессов, которые шли на протяжении всего обозримого периода исторического развития славянских диалектов начиная с праславянской эпохи». Основные требования издания учтены, материал целостен; его можно активно использовать при изучении истории языка. Рекомендую статью «Относительная хронология в истории языка» к публикации в журнале «Litera».